

К истории изучения понудительного/непонудительного залога в удмуртской лингвистике

1. Современное положение о функционировании понудительно-го/непонудительного залога как отдельной грамматической категории сложилось в результате двухвековой истории удмуртской морфологии.

2. Несмотря на то, что в отечественных грамматиках XVIII–XIX вв. еще не упоминается о вербальных единицах понудительного характера, их фиксация здесь уже имеет место: в частности, *валектетысько* ‘наставляю’, *курдатысько* ‘страшу’ [Сочинения 1775: 103, 108].

В монографии Ф. Й. Видеманна “Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche” [Wiedemann 1851] выделяется словообразовательная функция показателя *-t-*, которая, по мнению автора, характерна для всех финно-угорских языков. Основной семантической функцией данного форманта, как отмечает исследователь, является выражение значения эффективности (*effective Bedeutung*), иными словами, маркер *-t-* способствует образованию переходных глаголов от непереходных и образованию глаголов от именных и наречных форм: “Mit dem *t* werden auch von Nomina und Adverben Zeitwörter mit der entsprochenden Bedeutung gebildet, z. B. *kotirtini*, umgeben, durchwandeln, umhergehen, von *kotir*, *kotirin*, um, umher” [Wiedemann 1851: 121].

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что к началу XX в. категорию понудительного/непонудительного залога в удмуртском языке исследователи отдельно еще не выделяли; однако первые попытки выделения словообразующих значений исследуемого форманта были уже сделаны.

3. В качестве следующего этапа изучения понудительного/непонудительного залога в удмуртской лингвистике можно рассматривать 1920–1950-е гг. XX в., когда исследователями уточнялись и пересматривались грамматические и семантические функции показателя *-m(ы)-*, в большей степени опираясь на традиции русистов-морфологов.

3.1. П. И. Глезденев, в частности, отмечая, что “в языке удмурт глаголы имеют такое свойство, от которого зависит употребление дополнений в речи (предложении). Это свойство глаголов соответствует залоговым свойствам глаголов русского языка” [Глезденев 1920: 34], предлагает выделить в удмуртском языке пять залогов: действительный, средний, страдательный, взаимный и возвратный.

Глаголы с понудительным оттенком он рассматривает в разделе “наклонение”, где наряду с неопределенным, изъявительным, желатель-

ным и сослагательно-условным наклонениями исследователь выделяет принудительное наклонение первого вида и принудительное наклонение второго вида, образующиеся от глагола второго лица повелительного наклонения единственного числа с показателем *-т(ы)*: “Если к глаголу второго лица повелительного наклонения единственного числа прибавить частичку *-ты*, то получится особая форма, которая показывает оттенок принуждения” [Глезденев 1920: 36].

Такие формы глагола как *вурьты-* и *вурь-ты-ты-* П. И. Глезденев относит к принудительному наклонению первого вида и к принудительному наклонению второго вида соответственно.

3.2. О “понудительном наклонении” речь идет и в грамматике Г. Е. Верещагина, который наряду с желательным, неопределенным и изъявительным наклонениями выделяет и понудительное наклонение, имеющее, с точки зрения исследователя, морфологические (*-ты-*, *-ыты-*, *-йыты-*) и аналитические (*мед мын* ‘говорят тебе, иди’, *мед гожтоз* ‘пусть пишет он’ и др.) формы выражения. В то же время автор отмечает, что все глаголы в удмуртском языке разделяются на простые и понудительные: “В простом глаголе никакое появление действовать со стороны не подразумевается; в принудительном глаголе действие совершается при помощи двух лиц, из коих одно является повелителем, другое исполнителем” [Верещагин 1924: 112]. Вследствие такого подхода Г. Е. Верещагин и при описании других грамматических категорий глагола приводит примеры вербальных единиц с понудительным значением.

3.3. Рассматривая проблему понудительных глаголов в удмуртском языке, А. И. Емельянов вместо термина “заяг” использует дефиницию “вид” [Емельянов 1927: 73]. В качестве основной семантической нагрузки исследуемых глаголов он отмечает способность выражения воздействия одного предмета на другой: “Понудительный глагол означает действие, осуществляемое по воле постороннего, нейтрального ему лица путем воздействия в той или иной форме на непосредственного деятеля, имеющегося налицо или подразумеваемого” [Емельянов 1927: 73].

В качестве маркеров глаголов понудительного “вида” А. И. Емельянов отмечает следующие показатели: а) *-t-*, для вербальных единиц с предшествующей конечной гласной основы: *-it-*, *-jt-*, *-et-*: *osk-ijt* ‘уверять’ (ср. *osk-* верить), *vun-et-* ‘забывать’ (ср. *vun-* ‘забыться’); б) *-kt-*: *val-ekt-* ‘объяснять’ (ср. *vala-* ‘понимать’)” [Емельянов 1927: 69]. По мнению исследователя, глагол *дышетыны* также является понудительным, но “присутствие понудительного суффикса здесь уже недостаточно ощущается” [Емельянов 1927: 74]. Приведенные выше примеры позволяют

говорить о том, что А. И. Емельянов недостаточно четко разграничивает формообразующие и словообразовательные функции форманта *-m(ы)-*.

3.4. Если А. И. Емельянов рассматривает исследуемую нами проблему с точки зрения семантической нагрузки “понудительных глаголов” и их морфологического оформления, то С. П. Жуйков рассматривает ее с точки зрения способности понудительных глаголов употребляться в разных временных формах. По-видимому, вслед за П. И. Глезденевым вместо термина “залог” исследователь также употребляет термин “понудительное наклонение”: “Глаголы понудительного наклонения имеют все три времени положительной и отрицательной форм как и изъявительное наклонение” [Жуйков 1937: 47].

Подобная попытка рассмотреть спряжение понудительных глаголов по временам и лицам была уже сделана Г. Е. Верещагиным, но данная работа отличается большей последовательностью и разграничивает положительную и отрицательную форму понудительных глаголов.

3.5. Таким образом, 1920–50-е гг. в истории изучения понудительного залога – это период поиска дефиниций для исследуемой категории глагола. В результате/условиях неразграничения основных функций форманта *-m(ы)-* авторами грамматик глаголы понудительного залога определялись как “понудительное наклонение” (П. И. Глезденев, Г. Е. Верещагин, С. П. Жуйков) или как “глаголы понудительного вида” (А. И. Емельянов).

4. Началом нового этапа в изучении понудительного залога в удмуртской лингвистике стала статья В. И. Лыткина “Понудительный залог в пермских языках” [Лыткин 1957]. Исследователь, принимая во внимание ранее написанные работы по заявленной проблеме, не только сформулировал основные критерии выделения понудительного залога, которые впоследствии стали основой в разработке проблемы залога в пермской лингвистике, но и уделил особое внимание определению содержания термина “залог” (см. подробнее: [Лыткин 1957: 93]).

4.1. Основываясь на морфолого-семантическом принципе выделения понудительного залога, В. И. Лыткин отмечает, что к залогу причисляются: “1) те глагольные формы (показывающие отношение глагола к субъекту), которые не являются формами спряжения (т. е. личными, числовыми и т. д. формами) и, следовательно, не связаны с подлежащим по линии согласования; 2) глагольные формы, выражающие (в самой форме) отношение глагола к прямому объекту, т. е. показывающие возможность или невозможность иметь при себе прямой объект (здесь имеются в виду современные славянские и финно-угорские языки). “(...) Залог, как и всякая другая грамматическая категория, выражает эти отно-

шения в самой грамматической форме, напр., *мон турнасько* ‘я кошу’, *мон турнатісько* ‘я заставляю косить’” [Лыткин 1957: 97].

Учитывая вышесказанное, В. И. Лыткин выделяет в пермских языках следующие пары залогов: 1) понудительный/непונудительный и 2) возвратный/невозвратный (“действительный”) и впервые делит глаголы понудительного залога на две группы: собственно понудительные и понудительно-транзитивные формы. В особую группу он выделяет случаи лексикализации понудительных форм глагола.

4.2. Проблема разграничения словообразовательных и формообразующих функций форманта *-т(ы)-* впервые целенаправленно поднимается в “Грамматике современного удмуртского языка: Фонетика. Морфология” (1962), где А. С. Белов, автор раздела “Залог глагола”, отмечает, что “суффикс *-т-* не во всех случаях выражает категорию принуждения. При помощи этого суффикса также могут быть образованы переходные глаголы от непереходных, например: *берганы* ‘вертеться, кружиться’ – *бергатыны* ‘вертеть, крутить’” [ГСУЯ 1962: 229]. От последних, с точки зрения исследователя, формы понудительного залога могут образовываться посредством присоединения дополнительного маркера *-т(ы)-*, например, *бергатытыны* ‘заставить вертеть, кружить’ (см. подробнее: [ГСУЯ 1962: 228–229]).

В данной грамматике также впервые отмечаются правила дистрибуции морфологического маркера понудительного залога в совокупности с показателями притворной модальности, глагольного вида и возвратного залога.

4.3. Положения, изложенные в “Грамматике современного удмуртского языка: Фонетика. Морфология” (1962) о категории понудительно-непונудительного залога, стали основополагающими для многих последующих научных трудов, учебников и учебных пособий. В этом ряду новым подходом на существующую терминологию отличается работа Р. Бартенс, посвященная системе и развитию пермских языков [Bartens 2000], где наряду с другими проблемами поднимается вопрос о полифункциональности показателя *-т(ы)-* в удмуртском языке.

Опираясь на терминологию европейских исследователей, финский ученый выделяет куративные и каузативные значения данного форманта в зависимости от функциональной нагрузки суффикса *-т(ы)-*.

Основной функцией каузативных маркеров, как отмечает Р. Бартенс, является, с одной стороны, образование переходных глаголов от непереходных, с другой – употребление данного форманта в лексемах с семантической нагрузкой выражения метеорологических, физиологических и психологических состояний человека, в частности в вербальных единицах типа: *монэ сюлмаськытэ* ‘меня волнует’ (см. подробнее: [Bartens 2000: 288]).

В случае, если в качестве предиката выступает транзитивный агентивно-субектный (*agentiivi-subjektillinen*) глагол, по мнению Р. Бартенс, речь идет о куративных конструкциях. Кроме грамматического субъекта предложения в подобных конструкциях может выступать логический субъект, являющийся непосредственным участником действия: *Со монэ гождэтэсэ гождытүиз*. 'Он заставил меня написать свое письмо' (см. подробнее: [Bartens 2000: 288–289]).

5. Категория понудительного/непонудительного залога за период развития удмуртской морфологии нашла отражение во многих научных публикациях и исследованиях. Однако динамика возникновения новых направлений в области общего языкознания, непостоянство функционирования удмуртского языка выдвигают новые требования к его описанию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верецагин Г. Е. Руководство к изучению вотского языка. Ижевск: Удкнига, 1924. 120 с.

Глезденев П. И. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. 55 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленингр. Восточного ин-та, 1927. 160 с.

Жуйков С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1937. 47 с.

Лыткин В. И. Понудительный залог в пермских языках // Записки УдНИИ. Вып. 18. Ижевск, 1957. С. 93–112.

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР: Введение и примечания В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1975. 15 + 113 + 17 с.]

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys (=MSFOu 238). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 375 s.

Wiedemann F. I. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 S.